

У. Е. Головачева
Уральский государственный университет

**ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДОКУМЕНТОВ:
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАКТИКИ СУДЕБНОГО
ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV в.**

Вопрос о времени возникновения практики документальной фиксации правовых отношений в русских землях – один из самых спорных в актовом источниковедении. Появление таких дискуссий закономерно и связано с небольшим количеством источников, сохранившихся от периода XI–XIV вв. В первую очередь, споры выстраиваются вокруг факта появления частных актов на Руси. Как правило, все они сводятся к оспариванию датировки первых русских частных актов, дошедших до нас в списках второй половины XVI в., – данной и духовной Антония Римлянина, которые в своем тексте содержат указание на то, что они были созданы не позднее 1147 г.

Оставив в стороне аргументы участников спора, в самых радикальных случаях и вовсе называющих эти документы подделками XVI в., выполненными монахами Новгородского Антониева монастыря для отстаивания владельческих прав¹, отметим, что единичные частные акты XII и XIII вв. (данная и духовная Антония Римлянина, данная Варлаама Спасо-Хутынского монастырю, духовная Климента, вкладная посадника Ивана Фомина Муромскому монастырю, рядная Тешаты и Якима и т. д.) все-таки демонстрируют некую тенденцию формирования практики документирования правовых отношений, которая затем ярко проявилась в XIV в., когда количество частных актов постепенно увеличивается, а их формуляр – усложняется.

Еще одним доводом в пользу складывания традиции документальной фиксации правовых отношений в XIV в. являются частные акты на бересте, наиболее дешевом и поэтому широко распространенном материале русского средневековья, которые так же относятся к периоду начиная примерно с 1380-х гг. по стратиграфической датировке. Таким образом, рискуем утверждать, что уже к концу XIV в. на Руси использовалась практика документальной фиксации правовых отношений между частными лицами.

Зарождение практики документирования судопроизводственной деятельности в русских землях приходится на более поздний период. Так, например, наиболее ранняя правая грамота по тяжбам о недвижимом имуществе, дошедшая до нас в подлиннике и как самостоятельный доку-

мент, а не включенный акт, относится к 1416-1417 гг.² Есть списки судебных документов и среди грамот на бересте: к 1420-м гг. по стратиграфической датировке относится протокол тяжбы по поводу долга между новгородцами Филиппом и Иваном Стойком³.

Однако однозначно связывать время возникновения практики документирования судебного делопроизводства с датировкой первых правых грамот и судебных протоколов нельзя. Дело в том, что А. Д. Горским был обнаружен довольно интересный источник, позволяющий утверждать, что формуляр судебного документа уже существовал к началу XV в. и был хорошо известен писцам. Речь идет о маргиналии – записи на полях рукописной книги «Апостол», созданной между 1389 и 1406 гг., который содержит в себе традиционное начало правой грамоты или судебного списка. Писец в процессе переписывания книги на полях сделал следующую запись: «Си суд судил архимандрит Серапионъ. Тягался Куземько с Дитроком. Тако рек Кузем...», которая представляет собой типичное начало протокола судопроизводства, характерное для судебных документов Северо-Восточной Руси XV в. Запись эта в некотором смысле – «автобиографична», так как несколько ниже имеется еще один маргиналий, в котором указывается имя переписчика «Апостола» Куземки и заказчика книги архимандрита Серапиона некоего Воздвиженского (Крестовоздвиженского?) монастыря⁴. Тогда получается, что устойчивые словесные формулы судебных документов уже были выработаны и хорошо известны писцам-делопроизводителям к началу XV в.

Обратим внимание и на еще один факт: запись писца Куземки представляет собой попытку протокола вотчинного (монастырского) суда. Между тем, среди русских правых грамот нет ни одной, которая бы напрямую фиксировала судопроизводственную деятельность внутри монастырей. Конечно, в распоряжении историков имеются документы судов митрополичьей кафедры, однако их нельзя однозначно рассматривать как результат судопроизводственной деятельности в вотчине, так как довольно часто митрополиты судили тяжбы и между монастырями, и между светскими и церковными землевладельцами.

Тогда получается, что до наших дней не дошел довольно обширный комплекс документов, связанных с судопроизводственной деятельностью в монастырских вотчинах. Возможность существования такого комплекса косвенно подтверждает часто даруемое великим князем в жалованных грамотах право судебного иммунитета монастырей. А маргиналий, содержащийся в «Апостоле», свидетельствует о том, что вотчинная судопроизводственная деятельность нередко сопровождалась составлением соответствующих документов, формуляр которых, возможно, в будущем был заимствован и светским судом.

Известны судебные документы и по законодательным памятникам конца XIV в. Так, например, Двинская уставная грамота, созданная в 1397–1398 гг., упоминает правую бессудную и судную грамоты⁵. Псковская судная грамота, начало разработки которой связано с 1397 г., так же предполагает документирование судопроизводственной деятельности, однако, для обозначения судебного документа использует иное название – судница⁶.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что практика судебного документирования в русских землях начала складываться на рубеже XIV–XV вв. Однако, распространение ее шло очень медленно: среди порядка ста известных правых грамот XV в. лишь шесть относятся к первой половине столетия. В то же время, обращает на себя внимание резкий количественный рост судебных документов во второй половине XV в. Конечно, подобный рост является следствием интенсификации судебной деятельности, связанной, с одной стороны, с постепенным завершением объединения русских земель, который повлек за собой создание единой унифицированной системы управления и увеличение штата государственной администрации на местном уровне, и, с другой, с необходимостью закрепления сложившейся системы землевладения, когда начало тяжбы по поводу земли было одним из способов законного закрепления за собой захваченных земель.

В этих условиях идет развитие судебного документа: вырабатывается образец записи включенных актов, фиксирующих права на землю, появляется тенденция к максимально подробному протоколированию показаний свидетелей, складываются устойчивые словесные обороты, которыми передаются наиболее типичные события в процессе судопроизводственной деятельности. Вместе с тем, есть и еще ряд менее явных причин, которые в комплексе с остальными могли стать неким катализатором, который в конечном итоге привел к распространению практики судебного документирования.

Как уже отмечалось выше, во второй половине XIV в. идет количественный рост документов, фиксирующих правовые отношения между частными лицами. Все это является отражением развития правовой культуры в обществе, когда все большее и большее значение начинает придаваться юридической силе документа. Людям стал очевиден тот факт, что в случае повторной тяжбы наличие соответствующих документов могло иметь решающее значение для победы в споре. Возможно, именно этот процесс развития общественного правосознания и повлиял на распространение практики документирования судопроизводственной деятельности.

Попробуем реконструировать процесс суда еще в тот период, когда не велось судебное делопроизводство. В ходе суда обязательно присутствовали так называемые «лучшие» или «судные» мужи, постоянно затем упо-

минаемые в текстах судебных документов и в Судебнике 1497 г.⁷ Как представляется, именно они и должны были обеспечивать контроль за реализацией решения суда, а затем, при возникновении повторной тяжбы, могли на память воспроизвести результаты предыдущего разбирательства. В условиях феодальной войны второй четверти XV в., а так же нескольких эпидемий середины столетия, когда население было вынуждено бежать от болезней и военных столкновений, резко возросла миграция. В подобных обстоятельствах механизм документально не фиксируемого судопроизводства не мог больше быть эффективным: «лучшие» мужи, память которых хранила предыдущие судебные решения, могли умирать или покидать постоянное место жительства. В такой ситуации совершенно закономерным выглядит переход к практике документальной фиксации судопроизводственной деятельности, механизмы которой, возможно, были заимствованы из традиций монастырского суда.

Подведем некоторые итоги. Как представляется, зарождение практики документирования судопроизводственной деятельности произошло примерно на рубеже XIV – XV вв. в условиях вотчинного судопроизводства, а затем, под влиянием интенсификации судебной деятельности и роста правовой культуры в середине – второй половине XV в. эта практика широко распространилась по территории всего Русского государства, что вызывало развитие судебных документов путем усложнения их внутренней структуры и складывания стабильного формуляра.

¹ Подробнее обзор дискуссии см. здесь: *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X – XVI вв. – М., 1996. – С. 84 – 87.

² Правая грамота с суда великого князя Василия Дмитриевича, данная Чудова монастыря архимандриту Иоакиму на земли Городецкие к монастырскому селу Филипповскому (на реке Шексне), бывшие в споре с городчанами Паршей, Сидорком и др. // Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. – М., 1964. – С. 53 – 54.

³ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. – М., 1995. – С. 562 – 564.

⁴ *Горский А. Д.* О вотчинном суде на Руси в XIV – XV вв. // Россия на путях централизации. – М., 1982. – С. 33.

⁵ Двинская уставная грамота // Российское законодательство X – XX вв. В 8 тт. Т.2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985. – С. 182.

⁶ Псковская судная грамота // Российское законодательство X – XX вв. В 8 тт. Т.1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 332.

⁷ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X – XX вв. В 8 тт. Т.2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М., 1985. – С. 59.